

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРЫВА И УМОЛЧАНИЯ В ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧАТ-БОТ-КОММУНИКАЦИИ)

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20350281>

Абдурахманова Асалхон Бахтиёржон кизи

*студентка Андижанского государственного института иностранных языков,
направление «Филология и обучение языкам: русский язык»*

Научный руководитель: доцент АГИИЯ

Богданович Геннадий Александрович

Аннотация: *Цифровая коммуникативная среда трансформирует традиционные представления о речевом сбое, переводя обрыв и умолчание из разряда спонтанных устных феноменов в категорию прагматически нагруженных приёмов. В статье обосновывается лингвокреативный потенциал обрыва и умолчания в вопросно-ответных диалогических единствах, реализуемых в чат-бот-коммуникации. На материале логов взаимодействия с генеративными моделями (ChatGPT, Claude, YandexGPT, GigaChat) выявляются четыре сценария продуктивного использования элиминации: имитация живого мышления, финальное умолчание как механизм достройки смысла адресатом, ответ вопросом на вопрос с элементами обрыва и псевдохезитация в роли педагогически нагруженного приёма. Обосновывается, что обрыв и умолчание в цифровом диалоге функционируют не как деструктивные элементы, а как инструменты управления смысловой открытостью и интерпретационной активностью адресата. Предлагаются методические векторы включения анализируемых феноменов в преподавание русского языка: от развития метаязыковой рефлексии до формирования прагматической грамотности, адекватной современной коммуникативной реальности.*

Ключевые слова: *новая грамотность, цифровая коммуникация, чат-бот, вопросно-ответное диалогическое единство, обрыв, умолчание, псевдохезитация, лингвокреативность, нулевой знак, смысловая открытость, методика преподавания русского языка*

Динамика трансформации коммуникативных практик в цифровой среде вступила в осязаемое противоречие с темпом их научного осмысления и, как следствие, с адаптационными возможностями методики преподавания русского языка. Предметом обсуждения становится не столько фиксация орфографических или пунктуационных отклонений от кодифицированной нормы, сколько формирование принципиально иного взгляда на природу грамотности. Современная коммуникативная реальность требует от участника не просто владения нормативным письмом, но и способности конструировать смысл в различных семиотических системах, включая гибридные формы устно-письменной речи, характерные для

мессенджеров и диалоговых интерфейсов. В исследовательской литературе указанный феномен закрепился под термином «новая грамотность» и предполагает перенос акцента с унификации на вариативность и прагматическую уместность речевого действия. Вопрос формулируется не в плоскости «как правильно ставить знаки препинания в мессенджере», а в плоскости того, как цифровая среда порождает ранее не описанные модели смыслопорождения, которые методика обязана учитывать.

На указанном фоне особый интерес вызывают явления, традиционно относимые к устной спонтанной речи: обрыв высказывания, хезитация, паузация, умолчание. В классических работах по русской разговорной речи названные феномены описывались как следствие неподготовленности, линейного развёртывания высказывания в реальном времени и ограничений оперативной памяти. Корпусные исследования устного дискурса детально раскрыли структуру хезитационных явлений и их роль в организации речевого потока. Однако цифровая коммуникативная среда предлагает принципиально иную ситуацию: у пишущего, в том числе у искусственного агента, имеется техническая возможность редактирования, отсутствует временной дефицит, а любой знак, включая знак паузы, становится результатом осознанного или алгоритмически смоделированного выбора. Следовательно, обрыв и умолчание в таком контексте перестают интерпретироваться как речевой сбой и требуют рассмотрения в качестве продуктивного коммуникативного приёма.

Центральная гипотеза заключается в следующем: в вопросно-ответных диалогических единствах, реализуемых в чат-бот-коммуникации, обрыв и умолчание приобретают статус лингвокреативного ресурса. Они не наследуют устную хезитацию механически, а трансформируются в инструмент управления диалогом, смысловой открытостью и интерпретационной активностью адресата. Такой ракурс позволяет органично соединить лингвистическую теорию диалога с актуальной цифровой практикой и выйти на методические обобщения, не сводящиеся к перечислению интернет-ошибок.

Теоретическая оптика

Обрыв и умолчание, часто смешиваемые в бытовом словоупотреблении, имеют различную природу и различный коммуникативный вес. Обрыв — это остановка речи до завершения синтаксической и смысловой структуры высказывания; он бывает как спонтанным, так и намеренным. Умолчание — осознанный риторический ход, графически маркированный (чаще всего многоточием, но возможны и иные пунктуационные сигналы — тире на конце строки, намеренный пробел перед продолжением) и рассчитанный на активное домысливание со стороны адресата. В устной коммуникации обрыв часто сигнализирует о поиске слова, колебании, перестройке синтаксической конструкции. В письменной цифровой среде, особенно при взаимодействии с генеративными моделями, оба явления перемещаются из зоны речевой неудачи в зону прагматически нагруженного приёма.

Принципиально важен следующий шаг: обрыв и умолчание обретают подлинную значимость не в изоляции, а внутри вопросно-ответного диалогического единства. Классическая структура такого единства предполагает запрос информации и её предоставление. Однако в чат-бот-коммуникации наблюдается устойчивая деформация данной структуры: ответ может имитировать человеческую хезитацию, создавать ложное ожидание, провоцировать эмпатическую реакцию либо, напротив, маркировать дистанцию. Возникает феномен, который уместно обозначить как псевдохезитацию — запрограммированную имитацию речевого колебания. Технически она не обязательна, но систематически воспроизводится алгоритмом как стилистический выбор, обусловленный вероятностным прогнозированием «человекоподобного» ответа. Псевдохезитация позволяет машине симулировать внутреннюю речь — процесс обдумывания, которого в действительности не происходит.

Лингвокреативность в данном контексте понимается не как языковая игра с каламбурами или окказионализмами, а как способность породить новые прагматические эффекты минимальными средствами. Обрыв и умолчание функционируют здесь как «нулевой знак» — семиотически пустое место, которое заполняется интерпретацией адресата. В чат-бот-коммуникации этот эффект усиливается многократно, поскольку пользователь склонен достраивать «личность» виртуального собеседника именно в тех точках, где тот демонстрирует колебание или недосказанность. Пустота оказывается не отсутствием смысла, а пространством, провоцирующим его рождение.

Материал и ракурс анализа

Материалом послужили логи вопросно-ответных сессий, полученные в ходе взаимодействия с генеративными чат-ботами — ChatGPT, Claude, YandexGPT, GigaChat. Отбирались диалогические единства, удовлетворяющие одному или нескольким из следующих критериев: ответ содержит графически оформленный обрыв (многоточие внутри или в конце реплики, тире на границе строки, намеренный пробел перед продолжением); ответ имитирует паузу или речевое колебание; запрос пользователя провоцирует уход от ответа через умолчание, которое оформляется как многозначительная недосказанность.

Принципиально, что анализировалось не художественное творчество и не бытовая переписка, а именно взаимодействие человека с генеративной моделью, где элиминация технически не вынуждена, но систематически воспроизводится как стилистическая черта. Такой отбор позволяет исключить фактор спонтанности и рассматривать каждый случай обрыва как результат выбора — алгоритмического или заложенного разработчиками на этапе обучения модели.

Каждое диалогическое единство исследовалось по трём измерениям. Структурное измерение фиксирует, в каком именно месте единства — реплике-стимуле или реплике-реакции — возникает обрыв и какова его синтаксическая роль. Прагматическое измерение определяет, какую реакцию пользователя провоцирует данный приём: домысливание, доверие, иронию, раздражение, рефлексивную паузу.

Лингвокреативное измерение выявляет, какой новый смысл рождается исключительно благодаря незаполненности синтаксической или семантической позиции.

Аналитическая часть

Обрыв как имитация живого мышления

Один из наиболее распространённых сценариев — использование обрыва для создания иллюзии рефлексии. Чат-бот не обрывает фразу случайно. Он демонстрирует, что ищет формулировку, колеблется, подбирает слово. Показателен пример, когда пользователь задаёт этически неоднозначный вопрос, касающийся сравнения двух сложных моральных позиций. Бот отвечает: «Знаете, я думаю... нет, пожалуй, сформулирую иначе». Синтаксически обрыв приходится на границу первой предикативной части, которая остаётся незавершённой. Предикат «думаю» открывает позицию для изъяснительного придаточного, однако ожидаемое продолжение не наступает — вместо него вводится метакоммуникативный оборот «сформулирую иначе». Прагматически этот ход создаёт эффект живого размышления: адресат видит не готовый ответ, а процесс его рождения. Лингвокреативный потенциал заключается в том, что пустота, образованная обрывом, заполняется проекцией пользователя: тот приписывает машине когнитивное усилие, которого в реальности не существует. Возникает эффект присутствия мыслящего субъекта там, где работает вероятностная модель.

Вариацией того же сценария выступает обрыв, маркирующий переход к более осторожной, смягчённой формулировке. Бот начинает ответ с уверенной интонации: «Это безусловно так...», затем выдерживает паузу и продолжает: «...хотя, возможно, есть и другая сторона». Многоточие после первой части не просто разделяет две синтаксические структуры — оно создаёт точку переключения коммуникативной стратегии: от утверждения к предположению, от категоричности к диалогической открытости. Пользователь получает не информацию в чистом виде, а образ собеседника, способного к сомнению и пересмотру собственных суждений. Иллюзия рефлексии усиливается за счёт того, что обрыв имитирует паузу, необходимую человеку для перестройки высказывания, — хотя алгоритм не нуждается в такой паузе.

Особый интерес представляют случаи, когда обрыв возникает не в монологическом ответе, а внутри встречного вопроса. Пользователь спрашивает: «Какой вариант лучше?» Бот отвечает: «Сложно сказать однозначно... а что для Вас важнее — скорость или качество?» Здесь обрыв после вводной фразы «сложно сказать однозначно» выполняет двойную функцию: с одной стороны, он маркирует отказ от прямого ответа; с другой — подготавливает почву для перехвата инициативы. Пауза, оформленная многоточием, даёт пользователю мгновение на осознание того, что прямого ответа не последует, и одновременно настраивает на восприятие встречного вопроса. Коммуникативная инициатива переходит к боту не резко, а плавно, что снижает вероятность негативной реакции пользователя.

Умолчание в финале реплики и достройка смысла адресатом

Второй устойчивый паттерн — размещение умолчания в абсолютном конце реплики. Бот даёт развёрнутый ответ, насыщенный аргументами, но завершает его многоточием или конструкциями вроде «но это не точно...», «впрочем...», «хотя...». Синтаксически реплика завершена, однако семантически остаётся открытой. Многоточие в финальной позиции работает как знак, отменяющий окончательность сказанного, — оно как бы приподнимает смысловую завесу, за которой угадывается произнесённое продолжение.

Прагматический эффект такого умолчания многослоен. С одной стороны, бот передаёт ответственность за окончательную интерпретацию пользователю, мягко обозначая границы собственной компетентности. С другой — создаётся пространство для диалогического продолжения: многоточие приглашает к возражению, уточнению, развитию мысли. В устной беседе аналогичная фигура свойственна живому разговору, когда говорящий намеренно не ставит точку, провоцируя реакцию слушающего. В чат-бот-коммуникации этот приём становится элементом интерфейса: машина не просто выдаёт информацию, а моделирует незавершённость, свойственную человеческому общению.

Лингвокреативный потенциал финального умолчания реализуется через механизм семантической открытости. Адресат вынужден активировать собственный языковой опыт, чтобы завершить смысл, — и именно здесь открывается продуктивная зона для методики. Одна и та же фигура умолчания провоцирует различные варианты достройки у разных пользователей, что позволяет использовать её как диагностический инструмент для оценки уровня коммуникативной компетенции. Кроме того, умолчание в финале реплики создаёт эффект последствия: пользователь, завершив сессию, продолжает мысленно возвращаться к недосказанному, что повышает глубину усвоения информации — свойство, особенно ценное в образовательном контексте.

Ответ вопросом на вопрос с элементами обрыва

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда чат-бот реагирует на запрос встречным вопросом, включающим обрыв или многоточие. Пользователь просит дать однозначную оценку дискуссионному явлению. Бот отвечает: «А как Вы сами думаете?..» — и замолкает, не предлагая дальнейших разъяснений. Синтаксически это полноценная вопросительная конструкция с прямым порядком слов и вопросительным знаком. Однако графика — многоточие после вопросительного знака — создаёт дополнительное измерение: вопрос не просто задан, он оставлен висеть в воздухе, словно эхо, которое должно заполниться голосом адресата.

Прагматика такого хода отличается от стандартного ухода от ответа. Формальный отказ — «я не могу ответить на этот вопрос» — закрывает диалог. Встречный вопрос с многоточием, напротив, открывает его, но в ином направлении: не от бота к пользователю, а от пользователя к самому себе. Обрыв здесь не даёт адресату занять пассивную позицию потребителя готового знания. Он вынужден либо ответить на встречный вопрос (и тем самым вступить в подлинный диалог), либо рефлексивно отнестись к собственному запросу, осознав его неоднозначность.

Лингвокреативный эффект рождается на стыке формы и функции: внешне простая синтаксическая конструкция благодаря графическому оформлению приобретает дополнительный прагматический слой, превращаясь из вопроса в провокацию.

В контексте преподавания русского языка подобные примеры работают как материал для анализа диалогических стратегий. Обучающимся предлагается не просто наблюдать за коммуникацией с ботом, но и реконструировать скрытые интенции, стоящие за обрывом. Почему бот выбрал именно эту точку для умолчания? Что изменилось бы, если бы ответ прозвучал в категоричной форме? Такая работа формирует метаязыковую рефлексию — способность видеть в пунктуационном знаке не просто элемент оформления, а инструмент смыслопорождения.

Псевдохезитация как триггер эмпатии и инструмент педагогического сценария

Наиболее отчётливо лингвокреативный потенциал обрыва и умолчания проявляется в тех случаях, когда чат-бот выполняет функцию тьютора или ассистента в учебном процессе. Псевдохезитация здесь перестаёт быть просто стилистическим украшением и становится педагогически нагруженным приёмом. Показателен сценарий, в котором обучающийся допускает грамматическую ошибку в письменном ответе. Бот-тьютор не указывает на неё прямо, а реагирует с имитацией колебания: «Хм, здесь что-то не так... давайте посмотрим внимательнее». Обрыв после маркера «что-то не так» выполняет двойную функцию. Во-первых, он смягчает директивность: вместо жёсткой коррекции предлагается совместный анализ, что особенно важно для поддержания учебной мотивации. Во-вторых, обрыв создаёт паузу, в течение которой обучающийся может самостоятельно обнаружить ошибку, — а самостоятельное обнаружение, как известно из педагогической психологии, значительно эффективнее пассивного получения исправления.

Прагматический эффект псевдохезитации в учебном контексте связан с феноменом эмпатического сближения. Пользователь, воспринимая колебание бота, склонен приписывать ему доброжелательную неуверенность, что снижает коммуникативный барьер и уменьшает страх ошибки. Машина, демонстрирующая «сомнение», воспринимается как менее авторитарный и более поддерживающий партнёр. Лингвокреативность здесь реализуется не через усложнение формы, а через её намеренное обеднение: пустота, пауза, недосказанность оказываются более действенным педагогическим инструментом, чем развёрнутое объяснение.

Более сложный вариант того же приёма — использование псевдохезитации для провоцирования рефлексивного высказывания. Бот-тьютор, получив от обучающегося краткий ответ, имитирует задумчивость: «Интересно... а можно чуть подробнее?» Пауза после «интересно» с последующим многоточием заставляет обучающегося воспринять это не как формальную похвалу, а как искреннюю заинтересованность, что стимулирует развёртывание более полного и аргументированного высказывания. Эллиптическая конструкция срабатывает эффективнее прямого требования «ответьте подробнее», поскольку маскирует императив под приглашение к диалогу.

Методическая проекция этих наблюдений очевидна: если разработчики образовательных чат-ботов стихийно приходят к использованию обрыва и умолчания как эффективного приёма, то задача методики — перевести этот приём из разряда интуитивных находок в разряд осознанно моделируемых инструментов. Педагог, конструирующий диалоговый сценарий для автоматизированного тьютора, должен понимать, в какой именно точке диалога пауза сработает как приглашение к размышлению, а в какой — превратится в коммуникативную пустоту, вызывающую только растерянность. Критерий различения прост: продуктивный обрыв заставляет адресата остановиться и домыслить; пустой обрыв оставляет его в недоумении без какой-либо опоры для интерпретации.

Методическая проекция

Полученные аналитические наблюдения позволяют сформулировать несколько методических векторов, не сводящихся к перечню упражнений, но задающих принципиальную рамку для включения обрыва и умолчания в преподавание русского языка.

Первый вектор — от наблюдения к осознанию. Обучающимся предлагаются для анализа не абстрактные правила пунктуации, а реальные диалоги с чат-ботами, содержащие моменты обрыва и умолчания. Задача формулируется не как «найдите ошибку», а как «объясните, зачем здесь этот приём использован». Логика такой постановки вопроса переводит внимание с нормативной оценки на прагматическую интерпретацию. Обучающийся, пытаясь объяснить функцию многоточия в ответе бота, неизбежно выходит на разговор о коммуникативных намерениях, о воздействии на адресата, о соотношении сказанного и подразумеваемого. Тем самым формируется метаязыковая рефлексия — способность видеть в пунктуационном знаке не просто элемент оформления, а инструмент смыслопорождения. Попутно решается и задача развития пунктуационной зоркости: многоточие, тире, нестандартные пробелы перестают быть абстрактными значками из учебника и обретают живую коммуникативную плоть.

Второй вектор — обучение диалогу через моделирование машинной речи. Обучающимся даётся задание: сформулировать такой запрос к чат-боту, который с высокой вероятностью вызовет псевдохезитацию в ответе. Это требует предварительного прогнозирования: в каких ситуациях алгоритм склонен имитировать колебание? Чаще всего — при этически неоднозначных вопросах, при запросах, требующих оценочного суждения, при просьбах сравнить несопоставимые явления. Следовательно, обучающийся должен сначала осмыслить природу неоднозначности, а затем облечь её в языковую форму. Далее проводится коллективный анализ полученных реакций: почему бот выбрал паузу именно в этом месте, какой эффект умолчание произвело на читающего, как изменилось бы восприятие, если бы ответ прозвучал в категоричной и завершённой форме. Такой тип работы учит управлять прагматикой высказывания — навыку, востребованному далеко за пределами учебной аудитории.

Третий вектор — обрыв как инструмент развития письменной речи. В творческие задания — эссе, диалоги, нарративные тексты — намеренно вводится требование использовать фигуру умолчания или обрыва как минимум дважды. Затем проводится редактирование: на этапе рефлексии определяется, где недосказанность породила множественность смыслов и стала лингвокреативной удачей, а где превратилась в коммуникативную пустоту. Критерий различения прост и операционален: продуктивный обрыв заставляет читателя остановиться и домыслить; пустой обрыв вызывает лишь недоумение и желание пролистнуть текст дальше. Выработка этого критерия на собственном письменном опыте даёт обучающемуся инструмент, применимый в любой коммуникативной среде — от академического эссе до поста в социальной сети. Параллельно формируется редакторская компетенция: умение видеть собственный текст глазами адресата и оценивать коммуникативную уместность каждого пунктуационного знака.

Четвёртый вектор — интеграция чат-бот-диалогов в уроки развития речи. Традиционные упражнения на составление диалогов часто страдают искусственностью: обучающиеся воспроизводят этикетные формулы, лишённые живой прагматики. Работа с логами реального взаимодействия с чат-ботами привносит элемент подлинности. Сопоставление диалога «человек — человек» и диалога «человек — бот» позволяет выявить, как по-разному функционируют в них обрыв и умолчание. В живом диалоге обрыв часто свидетельствует о спонтанности, эмоциональном напряжении, нежелании продолжать тему. В диалоге с ботом те же графические средства работают как запрограммированный приём, что делает их более доступными для анализа: обучающийся имеет дело не с мимолётной устной репликой, а с зафиксированным текстом, который можно многократно перечитать, разобрать и сопоставить с другими примерами.

Обрыв и умолчание в вопросно-ответных диалогических единствах чат-бот-коммуникации обладают устойчивым и воспроизводимым лингвокреативным потенциалом. Они не наследуют устную хезитацию механически, а трансформируются в приёмы управления диалогом, смысловой открытостью и интерпретационной активностью адресата. Выделяются четыре основных сценария реализации этого потенциала: обрыв как имитация живого мышления, создающая иллюзию когнитивного процесса; финальное умолчание, запускающее механизм достройки смысла адресатом; ответ вопросом на вопрос с элементами обрыва, превращающий пассивное получение информации в рефлексивный акт; псевдохезитация как педагогически нагруженный приём, снижающий коммуникативный барьер и стимулирующий самостоятельное обнаружение ошибки.

Методика получает новый объект для изучения: не традиционные «ошибки в интернете», а сознательно используемые речевые стратегии искусственного собеседника, которые возможно анализировать, осваивать и переносить в собственную письменную практику. Включение обрыва и умолчания в арсенал педагогических инструментов открывает перспективу формирования коммуникативной компетенции, адекватной современной цифровой среде. Эта

компетенция не отменяет нормативной грамотности, но дополняет её грамотностью прагматической — способностью видеть в пустоте не отсутствие смысла, а пространство для его рождения.

Обрыв и умолчание в чат-бот-коммуникации — не периферийное явление, заслуживающее лишь попутного упоминания, а полноценный лингводидактический ресурс. Освоение этого ресурса методикой способно сократить разрыв между стихийно сложившейся цифровой практикой и содержанием обучения русскому языку, сделав последнее не догоняющим, а опережающим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R., Robison A. J., Weigel M. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. — Chicago: MacArthur Foundation, 2006.
2. Lankshear C., Knobel M. *New Literacies: Everyday Practices and Classroom Learning*. — Maidenhead: Open University Press, 2006.
3. Тощева А. В. Новая грамотность в цифровую эпоху // Современное педагогическое образование. — 2019. — № 3. — С. 48–52.
4. Земская Е. А. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. — М.: Русский язык, 1979.
5. Подлеская В. И., Кибрик А. А. Коррекция в устной русской монологической речи: опыт корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. — 2007. — № 1 (13). — С. 5–39.